

Андрей ПУЧКОВ*г. Сосновоборск,
Красноярский край*

РАНЕТКИ

рассказ

З аезжать в поселок я не стал, свернул с дороги и, остановившись возле небольшого пустыря, сплошь заросшего крапивой и кустами, заглушил двигатель. Вышел и, осмотревшись, втянул носом воздух. Почему-то на пустырях, несмотря на обилие травы, всегда пахнет пылью. Заметив в высокой траве большой булыжник с плоской, будто специально стесанной вершиной, сел на него, через джинсы чувствуя накопленное камнем за день тепло.

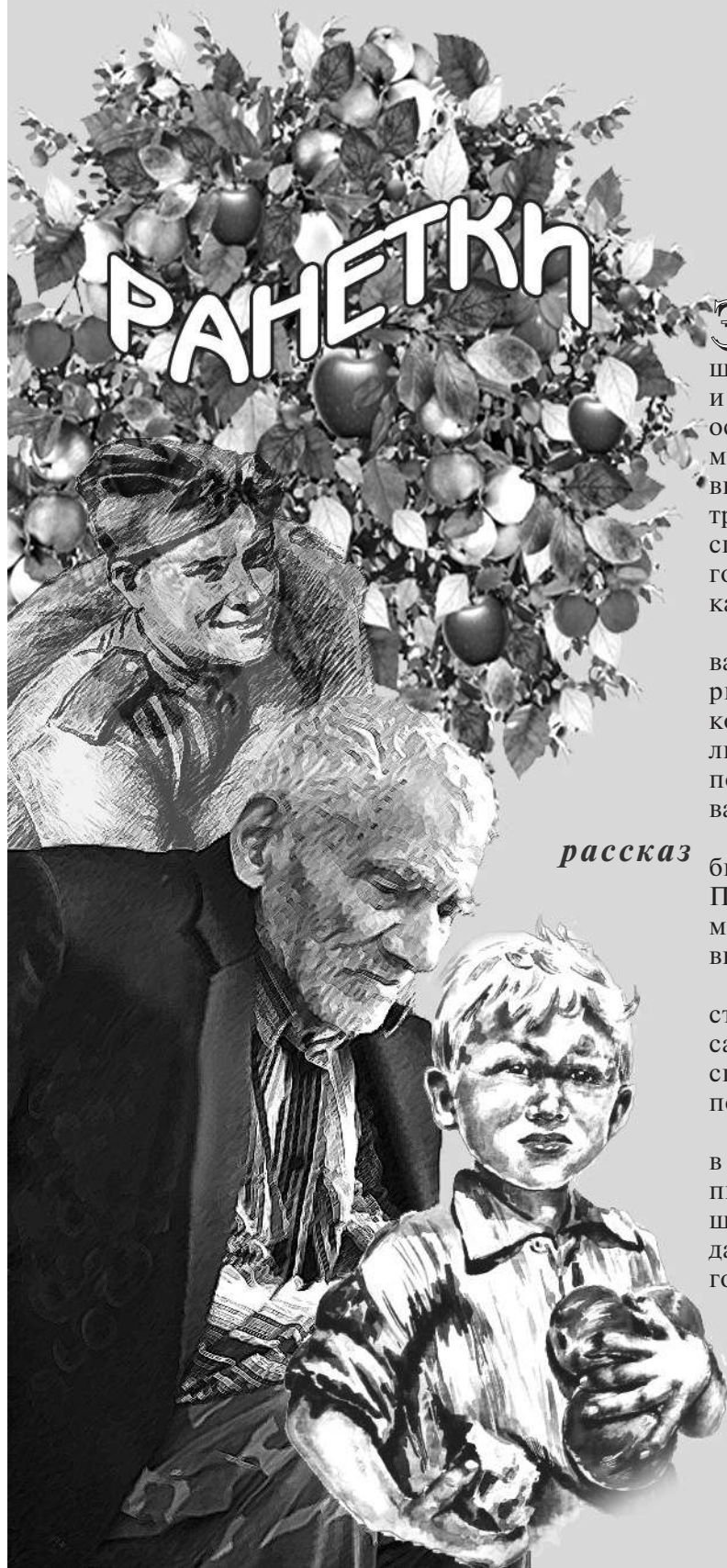
Поселок разросся и изменился до неузнаваемости. Появились новые улицы, на которых величаво выстроились современные коттеджи. Они с барской ленцой поглядывали пластиковыми окнами на невзрачные, покосившиеся от старости домишки, доживавшие по соседству с ними свой век.

Это и неудивительно, сорок лет я здесь не был. Сорок! Большой срок для человека. Половина жизни прошла! За это время успел много где побывать, повидал немало. Детей вырастил...

Как дело к «занавесу» пошло, все чаще стал вспоминать места, где вырос и провел самое прекрасное время в жизни. Вот и сподобился, разобравшись с делами да лень поборов!

Уже по дороге сюда знал, что остановлюсь в этом месте... Именно здесь в детстве я испытал сильнейшее потрясение, запомнившееся на всю жизнь. Здесь, на пустыре, когда-то стоял большой дом, во дворе которого, как мне казалось, я мог с этой жизнью распрощаться.

Я сидел на камне, как и много лет назад, смотрел на пустырь и думал: «Наверное, это и к лучшему, что дом разоб-

рали. Стоял бы он сейчас в одиночестве, с выбитыми стеклами да провалившейся крышей, и медленно умирал, сетуя на то, что не может быстро уйти вслед за своими коротко живущими хозяевами».

Сидеть на теплом камне было приятно и, как ни странно, удобно. Улыбнулся и, прикрыв глаза, я прислушался к ошалелому звону кузнечиков, заполнившему все вокруг.

* * *

«Что делать?» — казалось, этот вопрос плывал в воздухе, безрезультатно стучаясь о наши головы. Почему безрезультатно? Потому что осенним вечером, когда уже стемнело, группе десятилетних пацанов действительно нечем было заняться. Мы сидели в беседке во дворе нашего дома и не знали, чем загрузить свои деятельные натуры.

— Может, на школьный стадион пойдём, мяч попинаем? — предложил Мишка, живущий в соседнем доме. — Мне как раз папка новый мяч купил, только подкачать надо.

— Да не, Миха!.. Как раз сегодня и не получится! — вздохнул я. — Брат сказал, что там свет не включили. Он недавно мимо проходил, видел.

— Тогда, может, на котлован? На плотках поплаваем...

Мы еще долго гадали и перебирали варианты, но сгущавшиеся сумерки сводили на нет все наши умственные потуги. В потемках не больно-то разгуляешься.

Неизвестно, до чего бы мы все же додумались, если бы не Серега, который предложил «похорьковать».

— Да ну на фиг! Надоело уже! — забраковал идею Миха. — У всех огороды есть, чё не хватает-то?

— Ага!.. Ты бы, наверное, только за арбузами полез? Да? — не сдавался Серега. — Не обязательно ведь огурцы да помидоры тырить!

— А что, это идея! — поддержал я приятеля. — Давайте за ранетками сходим. Давно уже собирались.

— Да не-е-е, — заупрямился Миха. — У Бабарихи они кислые, а к Сёмке Косому идти далеко, и ранетки у него тоже не очень-то вкусные. Только время потеряем.

— Да я не их имел в виду, — пожал я плечами. — Предлагаю к Угрюмому сходить. Сами ведь знаете, ранетки у него обалденные.

— Вы чего, с ума тут посходили?! — подошла к нам моя одноклассница Светка и, покрутив пальцем у виска, добавила, обращаясь ко мне: — А ты — в первую очередь!

Светка очень мне нравилась, но на меня она внимания не обращала. Когда я увидел её, то захотел произвести впечатление. И произвёл! На свою голову...

Я уже заметил: как только она появлялась в поле моего зрения, мой мозг отключался и переставал нормально работать. Вот и сейчас я брякнул не подумав...

Залезть к Угрюмому было равносильно самоубийству! Это знали все. Старшие парни рассказывали, что у него по огороду трупы детей закопаны — тех, которые не сумели убежать, когда забирались к нему за ранетками. Это походило на правду. Угрюмый одевался во все тёмное и выглядел как убийца — высокий, худой и хромой. Вдобавок ко всему, лицо его пересекал шрам и казалось, что он всегда злобно усмехается. Его дом стоял на окраине поселка, и мы с пацанами, когда бегали на озёра, старались обходить его стороной.

— Ты точно сбрендил! — вытаращился на меня Серега и ехидно добавил: — Ну и кто же к нему в огород полезет? Кто у нас такой смелый? Уж не ты ли?

Вопрос правильный. Нечего исполнение своей идеи на других переключивать.

— Мое предложение, мне и лезть, — как можно равнодушнее ответил я и покосился на Светку.

Она несколько секунд смотрела на меня, а потом решительно заявила:

— Тогда я иду с вами! Иначе обязательно куда-нибудь вляпаетесь!

Вот теперь точно всё! Отступать некуда. Уже, можно сказать, вляпался...

На улице стемнело окончательно, и можно

уже было начинать операцию, но я всё стоял и стоял, прильнув глазом к щели в заборе, пытаюсь рассмотреть хоть что-то в огороде Угрюмого.

— Ну что? Ты полезешь, в конце концов, или нет? Ждешь, что ли, когда рассветёт? — прошипел Миха и ткнул меня локтем в бок. — Сам вызвался, никто тебя за язык не тянул!

— Да ладно тебе, лезу уже, лезу!.. — прошептал я и посмотрел в сторону кустов, за которыми пряталась Светка.

Подпрыгнул, ухватился за верх забора, подтянулся и, помогая носками кед, влез на него. Прыгать в темноту не стал, справедливо рассудив, что под забором может быть что угодно. Нашупал ногой сначала верхнюю поперечную слегу, а потом, опустившись на руках, — нижнюю. Всё, на земле. Присел на корточки и, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце, прислушался.

Я знал, что огород у Угрюмого обширный, но сейчас темнота сожрала расстояние и казалось, что стою я на небольшом пятачке, ограниченном с одной стороны забором, а с другой — темными громадами яблонь.

Вокруг тишина и спокойствие, никого. Я осторожно встал и, пригнувшись, подошел к ближайшему дереву. Еще раз осмотрелся и стал на ощупь разыскивать плоды. Срывал их трясущимися от страха руками и торопливо заталкивал за ворот футболки.

За спиной раздалось негромкое ворчание, и я замер с поднятой рукой, не решаясь пошевелиться, чувствуя, как от ужаса сковало тело и перехватило горло.

Медленно обернулся и увидел сидящую возле забора собаку. Что за собака, в темноте было не разглядеть, но видно, что большая. Я судорожно всхлипнул и, не делая резких движений, отступил от дерева. Даже такой бестолочи, как я, стало понятно: попался! От этой зверюги не убежишь и на забор залезть не успеешь. В подтверждение правильности моих рассуждений пёс зевнул, продемонстрировав блеснувшие в темноте здоровенные клыки.

Возле дома вспыхнул свет, осветив поло-

вину огорода, и раздался хриплый насмешливый голос:

— Что, Граф, никак гости к нам пожаловали?!

И следом послышались тяжелые шаркающие шаги, направлявшиеся в мою сторону. О бегстве не могло быть и речи: страх парализовал тело так, что я пошевелиться не мог. Когда шаги остановились возле меня и в лицо ударил свет фонаря, я зажмурился, с тоской осознавая, что мне никто не поможет.

— Не смейте его трогать! — вдруг раздался из-за забора взволнованный Светкин голос. — Нельзя убивать детей за ранетки!

— А ну брысь отседова! — рявкнул Угрюмый. — Сам решу, что с ним делать! Убивать аль нет...

Он с минуту рассматривал меня, освещая фонариком, а потом, усмехнувшись, сказал:

— Открывай глаза, герой! Да пошли на свет, неча тут в потёмках ковыряться.

Я открыл глаза и осмотрелся. Собаки не увидел. Ушла. Сейчас, наверное, где-то по огороду бегают.

— Топай давай! — подтолкнул меня в спину Угрюмый, и я, опустив голову, обречённо побрел в сторону дома по выложенной камнями дорожке.

Двор освещался несколькими лампочками. Угрюмый выключил фонарь, уселся на лавку у ворот и, обдав меня запахом перегара, спросил:

— Что, для неё, небось, старался-то?

— Для неё, — прошептал я, не решаясь поднять голову.

— Однако дела-а-а... — протянул он и вдруг сказал: — Садись-ка вона на булыгу, поговорим, а то я, знаешь ли, давненько с ребятней не общался.

Я оглянулся и, увидев приткнувшийся к забору большой, с ровной вершинкой камень, осторожно опустился на краешек.

Подождав, пока я устроюсь, Угрюмый грустно добавил:

— Дети выросли, разъехались, жену на погост свёз. Вот, брат, и получается, что один остался. А поговорить иной раз хочется...

Он помолчал, а потом спохватился:

– Только ты не подумай чего! Сыны у меня правильные выросли. Как погостить приезжают, так с собой зовут. Чего, говорят, тут одному прозябать...

Угрюмый помолчал, а потом тяжело вздохнул:

– А куда я отсель подамся-то? Старики тут лежат, Сонечка моя тоже здесь... Да и друзья фронтовые, с кем воевал, в землю уже укладываться начали. Куда ж я от них съеду?..

Я удивленно посмотрел на него. С ума сойти! У него, оказывается, семья есть! Жена... была... Дети взрослые... Он даже воевал! А как же я?! По идее, он меня уже должен где-нибудь под деревцем закапывать.

Он опять вздохнул и, словно извиняясь, сказал:

– Я тут принял на грудь трошки – день сегодня у меня особый, брат! Я, можно сказать, в этот день заново родился. – Он недоуменно развел руками и, пожав плечами, добавил: – Пристрелить меня должен был немец, но почему-то не убил.

– Как не убил?! – ошарашенно прошептал я и даже привстал с камня, забыв, что недавно готовился распрощаться с жизнью. – Фашисты же всегда советских солдат убивали!

– Не всегда, выходит! – усмехнулся Угрюмый. – Я, как видишь, вот он, живой и здоровый.

– А как же так получилось? – уставился я на него, а потом с надеждой спросил: – Наверное, вы его первый успели застрелить? Правда ведь?!

Несмотря на то что я боялся Угрюмого, мне почему-то хотелось, чтобы он победил этого фашиста.

– Нет, неправда, – покачал головой Угрюмый. – Я в тот момент вообще ничего не смог бы сделать – осколками посекло. Даже не был вооружен, от автомата только бесполезные куски остались.

– Тогда почему он вас?..

– Наверное, потому, что он не был фашистом. Повезло мне, выходит...

– Но вы же сами сказали, что это немец!

– Да, сказал, – улыбнулся Угрюмый. – Но, как оказалось, не все немцы – фашисты.

Поднявшись с лавки, Угрюмый зашел в дом. Через пару минут вернулся с начатой бутылкой водки и стаканом. Сел и, посмотрев на меня с сожалением, сказал:

– Это не богоугодное дело, но люблю я выпить. Грешен!

Он налил полстакана и, резко выдохнув, опрокинул водку в рот. Посидел несколько секунд, прикрыв глаза, потом довольно крякнул и попросил:

– Дай-ка яблочко...

Я запустил руку за ворот футболки, подцепил несколько ранеток и протянул ему. Он взял одну, оторвал хвостик и, целиком засунув яблоко в рот, с хрустом начал жевать его вместе с косточками.

– Вот скажи, чего ты ждал, когда я к тебе подошёл? – вдруг спросил он и внимательно посмотрел на меня на удивление трезвыми глазами.

Я замаялся. Неудобно было повторять за пацанами бред о том, что он детей тут убивает.

– Ну-у-у... В общем, я думал, что вы меня сейчас... это самое... убьёте. Пацаны рассказывали, что...

– А я взял и не убил!

– Да, не убили...

– Вот и я, брат, думал, что меня немец убьёт, – пробормотал Угрюмый и крепко потер лицо ладонями.

– А он взял и не убил? – прошептал я и с меньшим ужасом, чем в тот миг, когда меня поймали, увидел, как по изуродованному лицу Угрюмого катятся слезы.

Я не знал, что и думать. Это был не тот Угрюмый, которого мы знали. Вернее, думали, что знаем.

– Извини, браток, – шмыгнул он носом. – Знаешь, как выпью, завсегда так-то вот происходит...

– А как получилось, что фаш... немец вас не убил?

Угрюмый поставил на лавку пустой стакан и, неловко смахнув ладонью слезы, грустно улыбнулся.

– В сорок втором мне семнадцать исполнилось, но я обманул военкоматовских – год

себе прибавил. Сказал, что документы при бомбежке вместе с домом сгорели. И к тому времени, о котором идет речь, я уже целый год воевал. Тогда, помню, приказ мы получили — станцию взять. Пошли в атаку и нарвались. Попали под обстрел из минометов.

Меня сразу же накрыло. Когда очнулся, было уже тихо. Понятно, что атака не получилась. Полезли нахрапом — нас и разделали как бог черепаху. Если бы наша взяла, то санитары давно бы уже раненых разыскивали да убитых собирали. А тут — никого.

Мне повезло — отшвырнуло в воронку. Может, потому и жив остался. Сидел на дне этой ямы и смотрел, как из ноги сквозь разодранную штанину кровь сочится. Перевязаться нечем, да я и не смог бы — правую руку зацепило, пальцы онемели и не шевелились...

Немца увидел, когда тот уже стоял на краю воронки и смотрел на меня. Он снял с плеча винтовку, и я понял, что меня сейчас убьют. Страшно стало так, что заплакал. Жить, брат, хотелось... Очень хотелось!

Угрюмый замолчал, налил еще водки и выпил, закусив ранеткой, которую я догадливо подал.

— А что дальше было? Что немец сделал-то? Ушёл?

— Да нет, брат, не ушёл! Он спустился в воронку и положил рядом со мной перевязочный пакет. А когда понял, что я не справлюсь, сам меня и перевязал...

Угрюмый поднялся и, подойдя к большой бочке, стоявшей под водостоком с крыши, умылся. Потом опять сел напротив и, вытирая руки о штаны, сказал:

— Я не помню, как он выглядел, не запомнил лица, только руки. — И он, вытянув свои руки в мою сторону, покрутил ладонями с длинными узловатыми пальцами. — Большие у него были ладони, пальцы сильные, я это чувствовал. Под кожу чернота въелась. Шахтёром, наверное, до войны был. А может, молодость мою пожалел, — может, у самого сын был такой же, как я...

Скрипнула калитка, и во двор осторожно заглянула Светка.

— Ну вот! — обрадовался Угрюмый. — Подружка твоя пришла. А я всё думаю, отважится заглянуть на огонек али нет? Смелая дивчина!..

Светка стояла и не отрываясь смотрела на меня, будто увидела впервые. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она фыркнула, вздернула нос и ушла, хлопнув калиткой.

Угрюмый засмеялся и опять потянулся за бутылкой...

На следующий день мне было неловко оттого, что я так плохо думал об Угрюмом. О человеке, которого мы совершенно не знали, который, оказывается, воевал за нас. За меня, за то, чтобы я мог маяться дурью и «хорьковать» по чужим огородам! Его звали Степаном. Степаном Николаевичем...

* * *

Я много думал о том, почему мы в детстве так легко верили в явную чушь про убитых и закопанных в огороде детей. В то, что на старом кладбище каждую ночь из могил выползают мертвецы и ловят на окраинах посёлка одиноких прохожих. И в то, что если в лунную ночь забраться на старую кочегарку, то ровно в двенадцать часов у тебя остановится сердце...

Я нашел ответ на этот вопрос.

Мы настолько были уверены в своей безопасности, что где-то там, на уровне нашего детского подсознания, эта уверенность нас тяготила. Нам хотелось, как сейчас говорят, драйва, почувствовать, как захватывает дух и сжимается сердце. Потому и придумывали эти страшилки. Нам было мало просто бояться темноты!

Мне, моему поколению, посчастливилось жить и расти в великой державе, где дети без опасений сами приходили в детский сад и вечером возвращались домой. В стране, в которой я сам ходил встречать маму, когда она задерживалась на работе. В стране, где родители были уверены в том, что с их детьми на улице ничего плохого не произойдет, и доверяли их воспитание школе, зная, что

их чада будут учиться только по одной программе — той, которая учит любить Родину, уважать рабочего человека и его труд, защищать слабых, гордиться своей историей, помнить и чтить подвиг наших воинов.

Я родился через восемнадцать лет после войны и, едва начал осознавать себя, слышал о ней. Рядом со мной жили и трудились солдаты: рабочие-солдаты, врачи-солдаты, учителя-солдаты, колхозники-солдаты, — которым тогда, в начале семидесятых, не было еще и пятидесяти лет. Они все воевали, начиная от нашего школьного завхоза и заканчивая Угрюмым. Я слушал их истории, радовался за них, когда они, смеясь, рассказывали, как били фашистов. И удивлялся, когда эти мужики-герои, подпив, плакали... Зачем плакать?! Они ведь победили! Мы победили!.. Тогда я не мог понять этих слез.

...Ладно. Пора. Я с неохотой поднялся с теплого камня и, напоследок еще раз вдохнув пыльный воздух пустыря, направился к машине. Пройдет немного времени — и на этом месте вырастет большой красивый дом, в котором будут жить молодые, умные, радостные люди. И это будет правильно: жизнь должна

продолжаться. Мне хочется, чтобы у этих людей было всё для счастливой жизни. И я верю, что так будет!

Единственное, чего уже не будет никогда и чего они никогда не увидят, — это как перед ними сидит солдат, прошедший великую войну, и, зажав в ладони ранетку, плачет...

□

Андрей Викторович ПУЧКОВ

родился в 1963 г. в посёлке Хандальск

(Красноярский край).

Рассказы публиковались в различных сборниках,

а также в журналах «Сибирские огни»,

«Нижний Новгород», «Енисей», «Сура»,

«Аргамак», «День и Ночь» и др.

Награжден литературной премией «ДИАС» (2022).

Дипломант, финалист ряда литературных конкурсов.

Живёт в городе Сосновоборске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

